

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ: ФЕДОР ШАБАНОВ

01 сентября 2015

Наш корреспондент Полина Николаева побеседовала с Федором Шабановым, юристом, неоднократно публиковавшем в сети результаты семейных архивных исследований. Одно из них посвящено прадеду респондента Харитону Достовалову, раскулаченному в 30-м году. Федору Шабанову удалось не только найти дело прадеда, но и добиться реабилитации и компенсации за отобранное хозяйство.

– Федор, почему вы решили заняться архивными розысками? В какой момент жизни? Что вас к этому побудило?

– Я давно занимаюсь генеалогическими исследованиями по нашей семье. Самые ранние предки, которых удалось найти – это середина 17-го века. Когда интересуешься жизнью далёких родичей, о которых ничего не знаешь, есть огромный простор для фантазий и домыслов. Но, естественно, эти люди существуют не сами по себе, а привязаны к географии, имеют социальное положение, ты находишь их в документах и понимаешь, как они вписываются в историческую канву. История нашей Родины богата, в прошлом было много войн и революций. Находя имена родных в документах переломных времён, например, политических репрессий 30-х годов, испытываешь более сильные чувства, чем когда видишь те же фамилии в хозяйственных переписях каких-нибудь более спокойных лет. Познавать историю на примерах своих предков — это очень увлекательно.

– Какой информацией вы обладали на момент начала архивных поисков?

– В 2007 году мама рассказала мне, как сама узнала, что ее дед и отец были раскулачены. Ей было уже лет 25, она работала в томском НИИ, была кандидатом в члены партии. Поехала в отпуск к родителям в деревню, отправилась с отцом на сенокос, и он разоткровенничался на эту тему. Рассказал, что у них была сапожная будочка, его отец выделывал шкуры, тачал обувь, нанимал батраков. Потом их раскулачили, сослали... В семье об этом молчали, чтобы не испортить

жизнь детям и внукам. Позже я выяснил, что мой прадед еще и бежал из лагеря — стало вдвойне понятно, почему тема скрывалась в семье. Когда я узнал об этом раскулачивании, понял, что есть возможность найти конкретное архивное дело. Дела о политических репрессиях находятся в особых фондах, поэтому их сохранность зачастую довольно высокая. Я надеялся, что обнаружу массу интересной личной информации об участии моих предков в этих событиях. На тот момент я работал в одной из компаний НК «ЮКОС», принимал участие в ряде судебных споров с налоговыми органами в рамках «дела ЮКОСа». События немного перекликались: те репрессии и современные проблемы. Эта параллель даже подогревала интерес.

– Как вы узнали, с чего начать работу в архивах?

– Мнегодились профессиональное юридическое образование и опыт. К тому же, как депутату городской Думы мне уже приходилось помогать людям в поиске архивных сведений и реабилитации. Когда люди обращаются за советом, они главным образом испытывают недостаток информации, не знают, куда обратиться. Они знают историю по семейной легенде: в лучшем случае, непосредственно от необоснованно репрессированных, а в худшем — понаслышке, от дедушки, бабушки. Делают запрос в архив, получают формальный отказ, и всё, тупик. А потом оказывается, что попросту неточно изложили просьбу или даже обратились не в тот архив. Я читал закон о реабилитации жертв политических репрессий и представляю себе правильный порядок действий. Зная место жительства прадеда до раскулачивания, я решил для начала обратиться в соответствующий краевой архив.

– В какие конкретно госструктуры вы обращались за этой информацией, каким образом нашли дело?

– Сначала я написал обычное письмо-заявление в Госархив Алтайского Края, в Барнаул — просто изложил, что мне известно. У них есть фонд, который называется почему-то фондом Октябрьской революции, и там хранятся в том числе дела по раскулачиванию. Из архива мне пришла типовая справка, там были указаны конкретные обстоятельства: да, раскулачены; состав семьи; состав хозяйства; на основании каких источников заполнена и т. д. Справка очень скупа, а был ведь интерес найти полностью конкретное административное дело о раскулачивании. Здесь возникла трудность: чтобы получить доступ к делу, его фигуранты должны быть уже реабилитированы. Потому что уголовные и административные дела, по которым люди до сих пор считаются преступниками, так и остаются секретными. Значит, нужна справка о реабилитации, а также надо подтвердить родство с ними. Доказать родство с прадедом по матери не так просто, и у меня, к сожалению, были не все нужные документы.

Дальше я обратился в Информационный центр ГУВД по Алтайскому краю. По закону обязанность пересматривать дела возложена на органы прокуратуры и на органы внутренних дел. Пересмотром судебных приговоров занимается прокуратура. А теми репрессиями, которые проводились в административном порядке, занимаются органы МВД. В частности, по интересовавшему меня делу таким уполномоченным органом власти был Информационный центр ГУВД по Алтайскому краю — специальное подразделение, ведающее, среди прочего, вопросами реабилитации. После получения архивной справки я направил туда заявление — просил сообщить, реабилитированы ли мои родственники, и, если нет, то пересмотреть дело с целью, конечно, принять решение о реабилитации, если они действительно невиновны и подверглись репрессиям по политическим мотивам, а не в связи с какими-то хозяйственными правонарушениями. Пришел ответ: провели проверку, но в деле указано, что ваш прадед выбыл с семьей в неизвестном направлении, и нет сведений о принудительном выселении, поэтому они

посчитали, что семья не подвергалась раскулачиванию. То есть ГУВД по Алтайскому краю увидело в раскулачивании только предварительную высылку, хотя этот вид репрессий включал в себя, во-первых, принудительное изъятие имущества, а уже во-вторых — выселение, при этом выселение могло и не последовать. Прадед был признан кулаком 2-й категории, а первой категории вообще «светил» расстрел. Репрессия – это мера принуждения. В отношении лиц, признанных кулаками, она состояла в том, что их сперва просто грабили. Имущество передавалось в колхоз или в коммуны. В деле прадеда написано, что имущество экспроприировано полностью на сумму 307 рублей 80 копеек. Люди оставались без средств к существованию или с какими-то минимальными средствами. При раскулачивании изымались даже личные вещи. Позже я нашёл свидетельства о характере раскулачивания в той конкретной деревне: люди сворачивали теплую одежду в комки, затем оборачивали ее тряпками, придавая форму кукол, и раздавали детям, которые имитировали игру. Это чтобы хоть какие-то вещи спасти от грабежа! Мне, как юристу, было интересно попробовать оба существующих способа добиться реабилитации через суд. Первый способ — обжаловать отказ органа власти. Я подал в суд заявление о признании незаконным отказа ИЦ ГУВД по Алтайскому краю в реабилитации. И второй — это установить юридически значимый факт. У нас есть такая процедура, предусмотренная законом: когда человек не может подтвердить какими-то специальными документами свое право, то может при наличии свидетелей, отрывочных сведений, частично сохранившихся документов обратиться в суд и восполнить это отсутствие документа судебным решением. В итоге состоялось два судебных процесса. Первым прошло дело об установлении юридически значимого факта, там судья пришла к выводу, что раскулачивание было, факт подтверждён. А второй процесс о признании незаконным отказа в реабилитации прошёл позже, и другая судья отказалась признать этот отказ ГУВД незаконным! Всего лишь на том основании, что раскулачивание как юридически значимый факт уже установлено, и вроде как препятствие к реабилитации само собой для меня исчезло. Такой получился юридический парадокс, совершенно незаконный, на мой взгляд. Тем не менее положительного результата я добился.

– После этого вы получили доступ к делу, или возникли новые трудности?

– Надо отметить, что документом о реабилитации является не само решение суда, а справка о реабилитации, которую на основании судебного решения выдаёт орган МВД. Поэтому после вступления решения в законную силу, я направил его в ИЦ ГУВД по Алтайскому краю. Но справки всё равно не выдали – сотрудники ИЦ ГУВД потребовали не просто копию судебного решения, а заверенную нотариусом! По закону так быть не может, потому что никто не сомневается в подлинности этих документов, это же легко проверить. Но пришлось перепрыгивать и это препятствие. Я снова подал в суд — просил признать незаконным отказ в выдаче справки, и суд, конечно же, был удивлён, признал эти требования ИЦ ГУВД незаконными. После этого наконец-то прислали все справки о реабилитации на семью прадеда, но справки были оформлены неверно. Неправильно был указан сам вид репрессии, а также на основании чего она была сделана. Также были ошибки в именах. Было указано современное административно-территориальное деление, а нужно указывать место именно так, как оно называлось и куда относилось на тот момент, в 30-е годы. Я, уже обозлённый, им все это подробно расписал, пригрозил новым судом. Здравый смысл всё же победил — после этого я получил повторные справки оформленные как следует. Надо сказать, что не везде органы так противодействуют, например, в ИЦ УВД по Томской области очень порядочные и понимающие сотрудники.

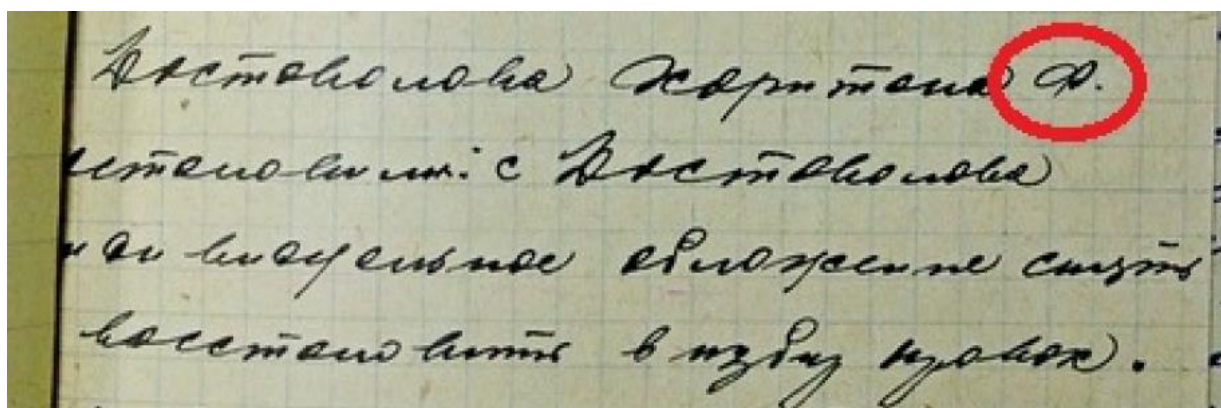
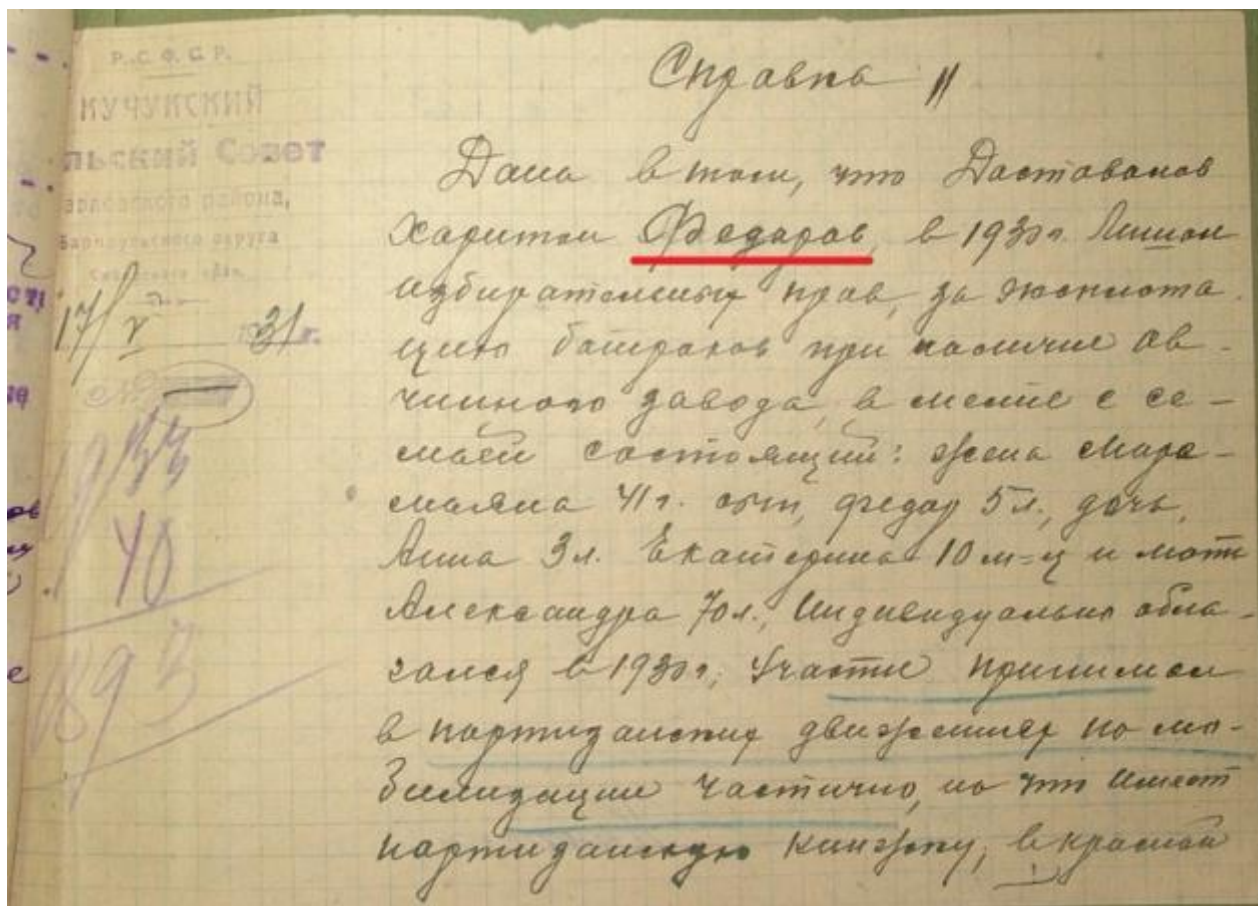
– В конечном счете вам был предоставлен доступ ко всем архивам?

– Да. В итоге я нашёл два дела на раскулаченного прадеда, они хранятся в разных местах. Во-первых, административное дело о раскулачивании лежит в Госархиве Алтайского края — по месту применения репрессии. После раскулачивания, спустя год, прадед был осужден за невыполнение «твёрдого задания» по уголовной статье, и в этой части он формально не реабилитирован. Второе дело — уже на осуждённого спецпоселенца находится в Томске — в архиве ИЦ УВД по Томской области. Оказалось, что районный суд приговорил прадеда к штрафу и 1 году лишения свободы, но «опертройка» заменила наказание «высылкой на Север» (прямо с большой буквы!) в распоряжение Томского распределителя Сиблага ОГПУ. Обратите внимание, размер штрафа 300 рублей, а всё конфискованное при раскулачивании хозяйство было оценено в 307 рублей! Невыполнение твёрдого задания можно было бы считать обычным преступлением, а приговор — «нормальной» уголовной репрессией, но в приговоре есть чёткий признак политрепрессии: прадед уже был признан кулаком, и неподъёмное твёрдое задание назначено ему именно как кулаку. Этот ярлык означает дискриминацию по социальному и имущественному признаку — это как раз политический мотив для уголовного дела. Однако судебную практику переломить тяжело. Но с моими аргументами согласен, кстати, и председатель Комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий Митюков, у меня есть ответ от него. Надо сказать об ещё одной важной вещи. Эта моя эпопея с получением доступа к архивным делам может быть неактуальной для ваших читателей. Время идёт, а законом установлено общее правило: через 75 лет архивные документы становятся доступными не только родственникам реабилитированных, но и любым третьим лицам — всем желающим. Теоретически, если сейчас кто-то захочет найти документы на своего предка за 30-й год, то, поскольку на дворе 2015-й, он может ссылаться только на эту норму закона об истечении 75-летнего срока. Но в реальности всё сложнее — многие невинные люди не реабилитированы до сих пор, а дела остаются засекреченными. Поэтому, я думаю, проблемы с доступом были и будут.

– Возвращаясь к теме ведомств, которые должны были предоставлять вам доступ к информации. Что, по-вашему, можно изменить в их работе?

– К архивам нет больших претензий, они соблюдают порядок доступа, и, если нет законных препятствий, дают зелёный свет. Другое дело, что вся плановая работа по рассекречиванию, пересмотру дел, реабилитации жертв, которая была предусмотрена ещё в начале 90-х годов, постепенно прекратилась. Например, в органах прокуратуры были введены специальные штатные ставки прокуроров, которые должны были заниматься пересмотром дел о репрессиях. Это привело к увеличению штата прокуратуры. Потом направление закрыли, а сотрудников переориентировали на обычную прокурорскую «текучку». Вопрос реабилитации жертв репрессий почти полностью превратился из государственного в частный. Те отказы МВД или прокуратуры в реабилитации, которые сейчас происходят — это попытка переложить все на судебную власть. Устно прямо говорят: «Мы не хотим брать на себя эту ответственность — идите в суд и там доказывайте». У органов нет никакой мотивации заниматься этой работой, тем более, это влечет за собой бюджетные выплаты. Давно понятно, что современное государство не хочет заниматься проблемой советских политрепрессий. Об этом говорит и то, что объём льгот и выплат для репрессированных-реабилитированных снижается. Например, в законе написано, что компенсация за изъятое во время репрессий имущество должна быть справедливой и повышаться. Есть куча решений Конституционного суда о том, что Правительству России надо давно пересмотреть и повысить размеры выплат. Но и закон, и решения Конституционного суда игнорируются как исполнительной, так и законодательной властью. Соответствующие законопроекты не раз отклонялись, а у одного из важнейших судов страны нет никаких рычагов давления. Другой пример — по закону все сведения о реабилитации жертв должны обязательно

публиковаться в СМИ, но в реальности никто этим не занимается. Например, ИЦ ГУВД по Алтайскому краю ответил мне, что обязанность есть, но у них не запланированы деньги под это дело. Во всём этом я вижу гораздо более тревожный сигнал — закон превращается в оболочку, когда под ним нет общественной потребности, когда он не востребован самой жизнью, людьми.

А Н К Е Т А 10

Учета кулаков в Павловскому району, Барнаульского Округа.
 село Синиха группа Отдельн.
 год 1930 месяц Июль число 11

Фамилия, имя и отчество Достовалов Харитон Яков.

ДЕЛО

Кулик
Достовалов Харитон
Джовмедия

По архивной описи № 430
 № описи 56

Создано 11 июля 1930
 Введено 7 мая 1930

№ 11 лист

Гор. Томск. 8

В распоряжение Распределителя Сиблага.
 С лица Достовалова Харитона Яков. 39 лет.
 Осужденного к ссылке на Север.
 Постановление Барпертройки на отсидку 4
 Справка о самоработке на отсидку 5
 И/Д. № 4139 Нач. Канц. Ветров
 Барнаульский Домзак, Запсибкрай.

24/10 2

П Р И Г О В О Р

именем РСФСР "10" Января 1931 года Народный суд Павловского уезда
в составе председателя Аветисовского
народных заседателей, Тругова и Тругова

Рассмотрев во открытом судебном заседании дело № _____ по обвинению гр-на
Достовалова Харитона Икквловича 35 лет женат сосиса 0 ч и Губаста по
судим 0/дарт кулек дашен изобретательных врач имеет д и амбар лошадей
корову двор телегу и усовни.
села Сибирки Кучукского сельсовета Павловского района ЗСК
обвиняется по ст 61 ст 31

Достовалов признан виновным в том что он имея твердое звание
во всем ряде работок не выполнял свою 10 работ израсходовал 22 деньги
24 и мясозатотнок одну смету там самим и совершил преступление по
ст 61 ст 31

Суд руковод ст ст 31 ст 31

П р и г о в о р и л :

Достовалова Харитона Икквловича на основании ст 61 УК лишить
свободы сроком на 0 д и 11 / год и доверительно по ст 28 УК
подвергнуть штрафу на 300 рублей в обеспечение всего наложить арест на
имущество обвиняемого.

Мерой пресечения избрать содержание под стражей.
Приговор окончательный но может быть обжалован в кассовом порядке
подлинный за надлежащими подписями

с подлинным верно секретарь *Дж* / Делянов/

— Как вы думаете, это связано с нежеланием государства брать ответственность, забыть, замолчать эти факты?

— Начиная от умышленного замалчивания и кончая просто равнодушием. «Это было давно, почему мы должны этим заниматься, почему мы должны платить за грехи старого правительства?» Самые разные можно услышать мнения на этот счет. Даже у меня знакомые спрашивают: «Тридцатый год — это так давно, это было в прошлом веке, что ты хочешь из кого выбить и получить?» Многие изумились, когда я получил компенсацию за отобранное в 30-м году хозяйство. Если можно считать компенсацией эту сумму в десять тысяч рублей. Кстати, её получил не я, а мама, она потратит её на новый памятник прадеду на кладбище. Недавно я выступал в Законодательной думе Томской области и, как заместитель председателя нашей городской Думы, пытался пробить важный законопроект: мы хотим, чтобы вернули льготы для многодетных семей, предусмотренные старым федеральным законом об образовании и отменённые в 2013 году. Как это относится к нашей теме? Даже современные льготы — четкие, понятные, очевидные, нужные — отменяются без причин. Без правовых причин, точнее. Убирают льготы по оплате детских садов — раньше многодетные платили 50%, а теперь полную сумму. Раньше компенсации считались в процентах от факта оплаты, а теперь от расчётной средней величины. Я убеждал областных депутатов, что норму нужно вернуть в федеральный закон, и даже на уровне наших депутатов получил отказ. Все понимают, что платить придется из областного бюджета. А ведь есть и военные, обманутые с жильём, есть чернобыльцы. Это что касается современных проблем. Выплаты для репрессированных тоже возложены на федеральный и областной бюджеты. Даже если я как местный депутат подниму вопрос, почему бы не увеличить компенсации бедным репрессированным старикам, мне ответят: «Это же надо платить из нашего текущего кармана, из нашего сегодняшнего областного бюджета!» Сталинские репрессии остались в далёком прошлом; очевидной связи этой трагедии с современностью у чиновников нет. Эта тема не то чтобы неактуальна — она просто странная для многих!

— Вы сказали, что многие ваши знакомые были удивлены вашей деятельностью. Как вы считаете, для людей сейчас эта тема так же неактуальна, как для правительственных лиц, и возможно ли сейчас изменение отношения к архивной информации, актуализация этой темы?

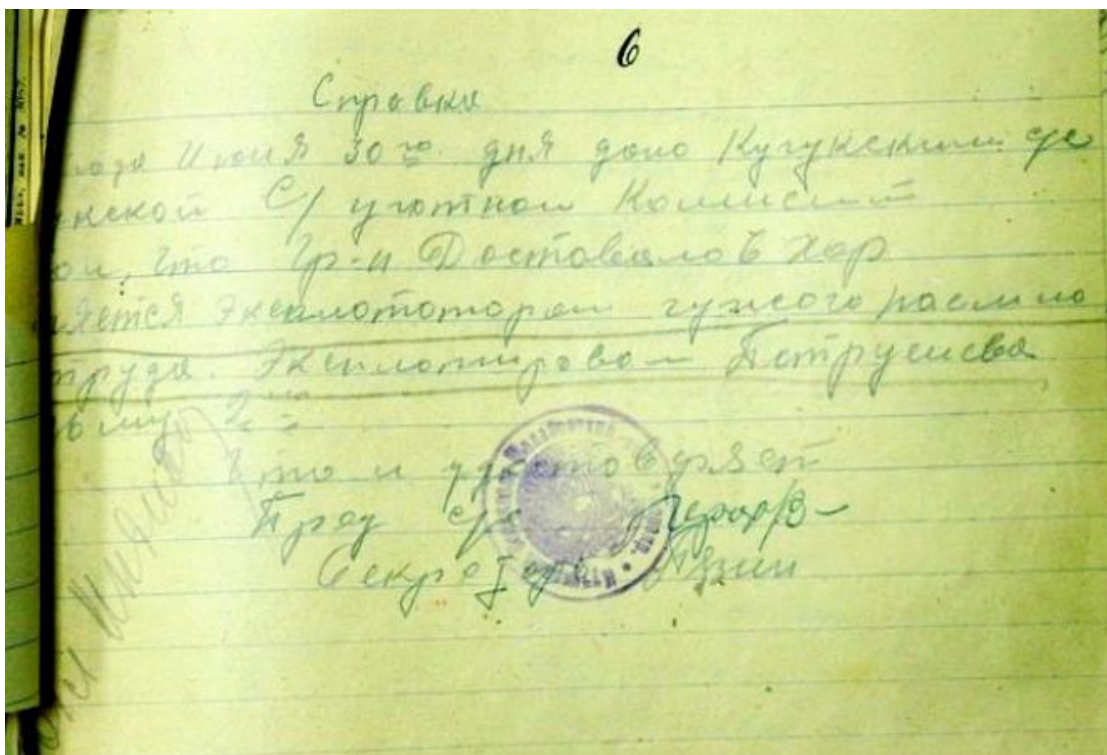
— Начнем с дальнего плана: тема репрессий пока остаётся больной и дискуссионной. Полюса мнений от «все были невиновны, а Сталин — кровожадный тиран» до «раньше был порядок, и при Сталине просто так не сидели». Как юрист напомню, в преамбуле закона о реабилитации чётко сказано: «За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам». Это не просто чьё-то мнение, это федеральный закон! Увы, есть масса попыток наших сограждан (и даже политиков) пересмотреть прошлое в другом ключе. Желание переименовать Волгоград в Сталинград я не поддерживаю. Политика осуждения репрессий должна и дальше поддерживаться на государственном уровне. Не менее важно, что люди сами должны определиться, нужна им эта информация или нет. Когда я говорю с друзьями и знакомыми, часто получается зажечь интерес к истории на личном примере. Немало знакомых после моих рассказов начинали интересоваться историей своей семьи, находили что-то удивительное. Я даже завидую, что удаётся откопать факты ярче и интересней, чем у меня. Но кроме репрессий есть много других исторических периодов и событий. Интерес к Великой отечественной войне 1941–45 годов возрос с появлением баз данных «ОБД-Мемориал» и «Подвиг народа». Тут, конечно, огромное спасибо государству и тем, кто сделал эти проекты! Списки репрессированных на сайте «Международного Мемориала» тоже пользуются большой популярностью, многие используют их при изучении генеалогии — там прослеживаются регионы проживания, частотность тех или иных фамилий, можно увидеть

миграции и т. п. Если бы база по репрессированным регулярно обновлялась и содержала больше конкретики, была возможность для пользователей добавлять данные, это было бы полезно и интересно ещё большему числу людей. Кому-то очень интересна глубокая генеалогия — люди лезут в дебри женских и боковых линий, а есть люди, которые не знают своих родителей, и даже не хотят знать.

— Нужно ли возрождать, создавать, поддерживать интерес к архивам?

— Кому надо, тот найдет. Это вопрос личного и семейного интереса. Гораздо важнее вопрос, как сохранить наше документальное наследие? Были бы фонды, а исследователь всегда найдётся.

— Федор, спасибо за интервью!

Справка

1930 года июня 30 дня дано Кучукским с/с Кучукской С/учетной Комиссии в том, что Гр-н Достовалов Хор. является эскалототором чужого наемного труда. Эксплотировал Патрушева Кузьму 2 м.

Что и удостоверяет пред. с/с (подпись неразборчива)

Секретарь (подпись неразборчива)

(приложена печать Кучукского сельсовета)

